DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-51-70

Влияние геополитических противоречий между Россией и ЕС на участие постсоветских стран в региональной экономической интеграции

Андрей Сергеевич СКРИБА

кандидат политических наук, преподаватель, Департамент международных отношений; научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: askriba@hse.ru

ORCID: 0000-0003-1795-0750

Артем Олегович АЛТУХОВ

ассоциированный исследователь, Международная лаборатория исследований мирового порядка и нового регионализма

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: altukhov@live.com

ORCID: 0000-0003-4353-8911

ЦИТИРОВАНИЕ: Скриба А.С., Алтухов А.О. (2019) Влияние геополитических противоречий между Россией и ЕС на участие постсоветских стран в региональной экономической интеграции // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 2. С. 51–70.
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-51-70

Статья поступила в редакцию 15.12.2018.

АННОТАЦИЯ. С конца 2000-х гг. на постсоветском пространстве все более отчетливо стала складываться «дилемма интеграций», заключающаяся в том, что постсоветские страны, которые желали углублять торгово-экономические отношения с региональными центрами силы – Европейским Союзом и Россией, – были поставлены перед необходимостью выбора между двумя интеграционными проектами. Первый – Соглашение об ассоциации и глубокая и всеобъемлющая зона свободной

торговли с ЕС. Второй – развитие отношений с Россией и рядом других заинтересованных стран СНГ на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства, которые с 2015 г. окончательно оформились в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Авторы полагают, что хотя оба течения декларировались как экономические и публично не противопоставлялись друг другу, именно геополитические соображения стали преобладающими в оценках пяти восточноевропейских го-

сударств СНГ относительно перспектив участия в том или ином проекте. В статье проводится сравнительный анализ политических стратегий и подходов этих государств к решению сложившейся «дилеммы интеграций», исследуются внутренние и внешние мотивы, определившие эти подходы. Дается ответ на то, почему при внешнем сходстве экономических моделей и интересов некоторых из рассматриваемых государств их политические стратегии в условиях меняющейся геополитической динамики оказались принципиально различны, а также даются оценки относительно перспектив дальнейшего участия восточноевропейских государств СНГ в интеграционных инициативах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЕАЭС, ЕС, российско-европейские отношения, интеграция, СНГ, внешняя политика, дипломатия

К началу 2010-х гг. перед восточноевропейскими странами СНГ оформилось два потенциальных интеграционных трека. Номинально оба формата не позиционировались как конфликтующие и тем более взаимоисключающие. В публичном пространстве представители Евразийской экономической комиссии (исполнительного органа ЕАЭС) подчеркивали (а представители ЕС – никогда публично не отвергали) интерес к диалогу и сотрудничеству, призывая к экономическому сближению «без предварительных условий и оглядки на политический контекст»¹.

Тем не менее именно политический контекст стал преобладающим в отношениях России и Европейского Союза. Как известно, именно споры вокруг интеграции сыграли в этом далеко не последнюю роль. Это касалось и участия постсоветских стран в «Восточном партнерстве» (инициативе ЕС, в которой Москва видела признаки недружественности и игнорирования российских региональных интересов^{2,3}), и политики Запада по поддержке демократизации этих же стран. А своеобразной точкой бифуркации стали события на Украине в 2013–2014 гг., за которыми у обеих сторон последовали взаимные политически мотивированные санкции.

Все это, вне всякого сомнения, отразилось на постсоветских государствах, прежде всего – в регионе восточноевропейского СНГ. В некоторых случаях, когда речь шла о стабильной, ресурсно и финансово самодостаточной экономике (например, в Азербайджане), это не имело серьезных последствий для внешней политики страны. Однако в целом можно констатировать, что период конца 2000-х – первой половины 2010-х гг. стал для постсоветского региона временем, когда нескольким государствам пришлось сделать достаточно непростой выбор между Россией и ЕС.

При этом трудно утверждать, что принятые тогда решения (несмотря на формально соблюденные процедуры подписания Ассоциации с ЕС или вступления в ЕАЭС) свидетельствуют о реальном и окончательном *выборе*. В одних случаях (Белоруссия, Армения) об этом говорят публичные заявления их

1 Министр ЕЭК Татьяна Валова: «Диалог между ЕАЭС и ЕС следует начать без предварительных условий и оглядки на политический контекст» (2018) // Евразийская экономическая комиссия. 11 октября 2018 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/11-10-2018-1.aspx>, дата обращения 31.03.2019.

2 Лавров: «Восточное партнерство» ЕС – не совсем безобидная вещь (2016) // РИА Новости. 16 июня 2016 // <https://ria.ru/20160616/1448756329.html>, дата обращения 31.03.2019.

3 Лавров: ряд стран хочет использовать «Восточное партнерство» против России (2017) // РИА Новости. 2 декабря 2017 // <https://ria.ru/20171202/1510090926.html>, дата обращения 31.03.2019.

руководителей, а также представителей ведущих политических сил. В этих заявлениях нередко можно обнаружить свидетельства конъюнктурной заинтересованности в интеграции. В других странах (Молдова, Грузия) отсутствие прогресса в политических реформах (который означал бы глубину и бесповоротность сближения с ЕС) ставит под сомнение бесповоротность экономической интеграции. И даже в Украине, несмотря на антироссийскую риторику, в политическом поле есть те, кто выступает против нынешней внешней политики.

Эта незавершенность вызывала и продолжает вызывать дискуссии о глубине и долгосрочности интеграции Белоруссии и Армении с Россией, а также ассоциации Молдовы, Грузии и Украины с ЕС. Этой теме посвящен целый пласт исследований в российской и зарубежной литературе. Например, Л. Делкур рассматривает факторы, которые влияют на интеграционные предпочтения постсоветских стран, выделяя среди таких привлекательность идентичности, структурную экономическую зависимость и ожидаемые выгоды, а также предпочтения внутренних акторов (элит, бизнеса, общества в целом) [Delcour 2015]. Я. Корэйба дополнительно отмечает роль политического доверия этих акторов к центрам интеграции [Корэйба 2012].

Вместе с тем вызывает интерес не только сам выбор (тем более что его жизнеспособность требует более глубокой аргументации), но и сегодняшнее интеграционное поведение постсоветских государств, сформированное под влиянием существующих геополитических противоречий между Россией и ЕС. Правильно ли утверждать, что все пять перечисленных стран нацелены на глубокую интеграцию с уже выбранным приоритетным партнером? По-видимому, вывод об их априорной

интеграционной заинтересованности опирается на теоретические основы региональной интеграции. Однако в условиях, когда международные отношения определяются не только интеграционными мотивами, имеет смысл рассмотреть влияние иных факторов на региональные процессы с участием России, ЕС и постсоветских стран.

В этой статье мы доказываем, что региональная конфликтность на пространстве восточноевропейского СНГ сформировала новую модель поведения постсоветских стран, для которой характерно получение быстрых выгод из противоречий между Россией и ЕС. Для этого в первой части мы рассматриваем региональную интеграцию с точки зрения ее выгодности и рациональности участия в ней, при этом подчеркивая пределы объясняющей силы этого интеграционного подхода в международных отношениях. Вторая часть посвящена обзору современных геополитических противоречий между Россией и ЕС, а также роли и месту здесь постсоветского пространства. В третьей части мы смотрим на интеграцию с позиции самих постсоветских стран и показываем ее текущее влияние на их внутреннюю и внешнюю политику. Наконец, в четвертой части мы объясняем, каким образом фактор геополитических противоречий России и ЕС влияет на внешнюю (в данном случае – интеграционную) политику постсоветских стран.

Региональная интеграция и международные отношения: теория и теоретические границы анализа

Региональная интеграция с точки зрения международных отношений – сравнительно молодое явление, получившее распространение и последующее научное освещение после Второй

мировой войны. Под интеграцией понимается «постепенное сращивание национальных рынков и формирование на основе этого целостного хозяйственного комплекса, а потом и политического союза» [Буторина 2011], что предполагает поступательную и многоступенчатую экономическую интеграцию, переходящую в политическую плоскость на завершающем этапе [Balassa 1962].

Интеграция как феномен неразрывно связана с историей становления Европейского Союза как образца наиболее полной ее реализации и поэтому чаще всего рассматривается в евроцентрическом контексте, а более поздние интеграционные проекты заимствовали успешные практики ЕС. Все это позволило выделить интеграционный дискурс в отдельную ветвь международных отношений – теорию интеграции, в рамках которой разработан ряд моделей и подходов (федерализм, неофункционализм, теория «перелива» (spillover), межправительственный подход). Дополнительной «опорой» интеграционному подходу в международных отношениях стал регионализм, который подчеркивает сосредоточенность интеграционных процессов в границах конкретного географического региона.

Региональная интеграция на всех ступенях предлагает для участников значительные выгоды, наиболее очевидными из которых являются экономические. Традиция т. наз. «мейнстримной» экономической теории рассматривает региональную интеграцию, принимающую ту или иную форму торговых блоков, как «вторую лучшую» (second best) опцию, уступающую лишь всеобщей либерализации торгов-

ли [Vamvakidis 1999]⁴. При этом современная интеграция – это не только снижение тарифов, а гораздо более сложные аспекты торговой политики (антимонопольное регулирование, антидемпинг, компенсационные пошлины, защита прав интеллектуальной собственности и т.д.), которые приводят к еще большим выгодам для участников [Mattoo, Mulabdic, Ruta 2017]. Неслучайно недавнее исследование ЮНКТАД выявило положительное влияние членства в региональных торговых соглашениях на темпы роста ВВП [DiCaprio, Santos-Paulino, Sokolova 2017].

Выработка торговых соглашений и согласование взаимных уступок между тем неизбежно требуют создания новых институциональных площадок для взаимодействия сторон, что, наряду с умножением точек соприкосновения по мере углубления экономической интеграции, должно дополнительно способствовать миру в регионе. Интенсивный обмен информацией не только на уровне «политических классов», но и между агентами экономических отношений – импортерами и экспортерами, трудовыми мигрантами, предпринимателями – в рамках коммуникативной теории К. Дойча порождает, при условии сопоставимости базовых ценностей и взаимной предсказуемости поведения, «чувство общности» и укрепляет доверие между представителями общающихся стран, создавая в конечном итоге «сообщества безопасности» (security communities) [Deutsch 1969].

Последние два пункта – экономические выгоды и чувство принадлежности к общности – являлись крайне важными именно для постсоветских стран.

4 Следует отметить двойственное влияние региональной экономической интеграции на торговлю государств-членов: с одной стороны, за счет упрощенного взаимного доступа к национальным рынкам растет товарооборот внутри создаваемого блока, но с другой стороны, часть торгового оборота с третьими странами может быть потеряна в результате вновь принятых общеблоковых пошлин или иных нетарифных ограничений. От соотношения таких эффектов создания/переориентации торговли (trade creation/diversion) и зависит чистый экономический эффект интеграции.

Во-первых, эти страны после 1991 г. столкнулись с целым спектром экономических проблем, начиная с финансовой нестабильности и заканчивая неконкурентоспособностью целых отраслей экономики, что требовало, с одной стороны, принятия срочных мер по защите рынка, а с другой – привлечения инвестиций извне для модернизации производства. Эти требования, как видно, являются достаточно противоречивыми, однако они могли быть вполне успешно реализованы в формате торгово-экономического блока. Разумеется, все это было особенно актуально для тех постсоветских стран, которые не имели собственного энергетического сырья и потому не могли компенсировать и тем более решить экономические проблемы за счет ценовой конъюнктуры 2000-х гг. [Balmaceda 2014].

Таким образом, с теоретической точки зрения региональная интеграция составляет позитивное явление, способное выступать локомотивом экономического роста и развития отношений в регионе. Углубление интеграции должно способствовать стабильному экономическому росту стран-партнеров и большей устойчивости к внешним шокам, а также служить дополнительным залогом безопасности в регионе. Важно и то, что долгосрочные преимущества интеграции распространяются на всех ее участников независимо от размера и начального экономического положения. Все это также говорит о нормативном, или предписывающем характере теории интеграции.

Последняя характеристика теории интеграции крайне важна с практической точки зрения, поскольку именно ее предписывающий характер свидетельствует о пределах применимости теории к анализу международных проблем. На практике отношения государств зависят от целого спектра других, не связанных с интеграцией факторов, которые могут

оказаться гораздо более значимыми, чем рациональная мотивация к экономическому сближению. В такой ситуации интеграционный посыл, при всех многообразных выгодах для сторон, может отступать перед иными обстоятельствами и мотивами, которые формируют результирующий антиинтеграционный вектор. Сама теория интеграции не объясняет (или, по крайней мере, не учитывает) такие факторы, а потому не всегда может в одиночку объяснить поведение государств в конкретном регионе.

Эти выводы в полной мере релевантны при анализе ситуации на постсоветском пространстве, и в особенности в его восточноевропейской части. Несмотря на несомненные перспективы гипотетического торгово-экономического сближения, Россия и ЕС после нескольких безуспешных попыток так и не смогли сформировать устойчивый формат сотрудничества. Более того, отсутствие прогресса в этом вопросе привело к появлению двух интеграционных проектов, по многим параметрам соизмеримых по важности и привлекательности для постсоветских стран в Восточной Европе. Очевидно, что такое развитие событий стало результатом серьезных противоречий между Россией и ЕС, находящихся за пределами вопросов экономики, однако, как видно, имеющих не менее, а даже более важное значение для каждой из сторон.

Отношения между Россией и ЕС на постсоветском пространстве и региональная интеграция: альтернативные теории для объяснения противоречий

Завершение холодной войны создало условия и само по себе подтолкнуло европейские страны и Россию к активизации не только экономического, но и политического диалога, в котором

обе стороны уже не противопоставляли себя друг другу. Преобладала точка зрения, что россияне близки к европейцам в историческом, политическом и культурном плане, а Россия – в гораздо большей степени европейское, а не евразийское государство [Тиммерманн 2002]. Поэтому неудивительно, что в первые годы после распада СССР Москва не видела особой для себя угрозы в создании диалоговых площадок между ЕС и НАТО, с одной стороны, и отдельными постсоветскими странами, с другой. Не вызывала раздражения и ориентация молодых постсоветских элит на сближение с ЕС, поскольку российские элиты также рассматривали такую возможность и видели ее для себя весьма желательной.

Между тем с геополитической точки зрения вызовы для российских интересов на пространстве бывшего СССР стали проявляться уже в 1990-е гг. В политике ЕС и европейских стран все более отчетливым становилось разделение восточноевропейского региона на Россию и не-Россию; всячески поощрялось и поддерживалось создание «безроссийских» организаций (например, ГУУАМ).

Закономерным итогом этой политики в 2004 г. стало синхронное расширение на Восток ЕС и НАТО. С одной стороны, оно институционально расширило границы влияния коллективного Запада (частью которого Россия так и не стала). С другой стороны, присоединение к ЕС стран Вишеградской группы и Балтии (к слову, тоже страны бывшего СССР) сделало постсоветские страны региона – так называемое «пространство общего соседства» – последними внеблоковыми государствами, чьи экономические связи на площадке СНГ все

больше распадались на многочисленные двусторонние форматы, а отношения с ЕС еще только находились на стадии формирования.

Трудно однозначно утверждать, что совместная кооперация России и ЕС в этом регионе в том или ином интеграционном формате не имела шанса на успех. Тем не менее логика геополитического противостояния по вопросам военной безопасности и влияния в регионе, а также те вызовы, которые фигурировали «здесь и сейчас», стали нарастать и постепенно вытеснили перспективу региональной интеграции «для всех» на периферию политической дискуссии. Здесь можно обозначить два главных фактора, повлиявших на доминирование этой геополитической логики.

За расширением НАТО (которое произошло в один год с расширением ЕС, а потому оба процесса воспринимались как параллельные) последовало обсуждение возможности размещения на территории стран Восточной Европы элементов ПРО, что негативно отразилось бы на военном потенциале России. А уже с середины 2000-х гг. стали звучать призывы включить в НАТО и некоторые постсоветские страны из восточноевропейского региона, в частности Украину и Грузию. Все это могло радикальным образом изменить региональную архитектуру безопасности, причем очевидно не в пользу России. Последовательное игнорирование позиции Москвы по этому вопросу (призывавшей дать гарантии невступления этих стран в НАТО) создало небезосновательные опасения последней, что торгово-экономическое сотрудничество ЕС с постсоветскими странами – лишь первый шаг на пути более комплексного расшире-

10 Чжунго тунцзи чжайяо 1987 [Краткая статистика Китая 1987]. Пекин, 1987. С. 90–91 (на китайском языке).

11 Рассчитано по: Хайгуань тунцзи [Таможенная статистика]. Пекин, 2003. № 12. С. 9, 25, 30 (на китайском языке).

ния институтов не только европейских, но и евроатлантических.

Вторым фактором стали «цветные революции» в ряде постсоветских стран и настойчивая политика ЕС по распространению собственным норм и стандартов (и в политике, и в экономике) на «пространстве общего соседства». Хотя эта политика часто рассматривалась как распространение либеральных ценностей и помощь со стороны европейских стран в вопросах посткоммунистического транзита [Marocchi 2017], действия ЕС в конце 2000-х – 2010-е гг. описывались как «универсальная стратегия... установления контроля над этим регионом», а в ряде зарубежных исследований характеризовались не иначе как геополитические [Nitoiu, Sus 2019]. Во-первых, нетрудно заметить, что неотъемлемой частью «цветных революций» была не только проевропейская, но и антироссийская риторика новых властей. Это меняло политическую географию региона, ослабляя влияние и авторитет России и усиливая позиции ЕС (вместе с США, что отсылает нас к предыдущему тезису). Во-вторых, как и в случае с расширением НАТО, российская позиция и интересы в регионе были проигнорированы. Свидетельством этого стал запуск в 2009 г. «Восточного партнерства», которое сформулировало «дорожную карту» развития сотрудничества ЕС и шести постсоветских стран.

Представляется, что с точки зрения ЕС «Большая Европа» является не гомогенным пространством, а неоднородным организмом, где России вполне сознательно отводилось периферийное место. Отсюда же стало очевидно, что ЕС оказался не готов к тесной интеграции с Россией на равных [Караганов 2010], а неравные условия означали бы «утерю ее уникальной евроазиатской специфики, роли центра притяжения в хозяйственной реинтеграции

СНГ, самостоятельности во внешней, экономической и оборонной политике и полную перестройку (еще одну!) всей российской государственности на базе требований Евросоюза» [Иванов 1998]. Иной же формат для самой России не мог подойти, тем более что в ней выкристаллизовалась уверенность: «великие державы... не растворяются в интеграционных союзах – они создают их вокруг себя» [Караганов 2010].

Таким ответом стала евразийская интеграция (ТС – ЕЭП – ЕАЭС). Она должна была заменить СНГ, который уже слабо справлялся с ролью (если таковая в принципе имела место) интеграции экономик и обществ постсоветских государств. Евразийская интеграция была запущена в 2010 г. и стала противовесом «Восточному партнерству» с ЕС. И хотя изначально оба проекта не позиционировались как взаимоисключающие, крайне показательным стало заявление Комиссара ЕС по вопросам расширения и политике соседства Ш. Фюле, который заявил о необходимости однозначного *выбора* из двух вариантов – интеграции с ЕС или с ЕАЭС [Statement on the Pressure 2013]. Таким образом, «дилемма интеграций» стала реальностью.

В целом можно заключить, что хотя с позиции интеграционной теории России и ЕС было бы выгодно сотрудничество, другие, более значимые аспекты их отношений привели к геополитическим противоречиям и конкуренции. Что касается пяти постсоветских стран, то они были поставлены в условия «дилеммы интеграций» – невозможности развивать равновесные отношения сразу с обоими партнерами. Теперь предлагается рассмотреть, насколько такое состояние было естественным для этих стран, а на основании этого оценить, как оно могло сказаться на их внешнеполитическом поведении.

Значение интеграции в регионе для постсоветских стран, их заинтересованность в участии

Привлекательность региональной интеграции для постсоветских стран обусловлена целым рядом причин экономического, политического и историко-культурного характера (фактор идентичности). Несмотря на достаточно отличный опыт постсоветских реформ, а также дальнейшее политическое развитие, у всех пяти стран эти причины в той или иной степени проявлялись ранее и продолжают иметь большое значение и сегодня. Однако, что примечательно, на основании этих причин крайне трудно сделать вывод об однозначной приоритетности европейского или евразийского (или, учитывая географию рассматриваемых пяти государств, российского) направления.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ

Экономики Армении, Белоруссии, Грузии, Молдовы и Украины на протяжении долгого времени развивались как части единого народнохозяйственного комплекса СССР. Это означает, что исторически производство продукции было направлено на удовлетворение спроса большого рынка. Сегодня, когда после обретения независимости прошло уже почти три десятилетия, ориентация на экспорт сохранилась во многих экономических отраслях этих стран. Традиционно существенная часть товаров продолжает поставляться в Россию (занимает 1–2 место у всех пяти стран), однако роль рынка Европейского Союза является не менее важной: у всех стран, кроме Белоруссии, ЕС является главным внешнеторговым партнером. Все это говорит о том, что снижение торговых и нетарифных барьеров (как следствие интеграции) в отношениях и с Россией, и с ЕС выгодно всем без исключения. Особен-

но важным это было в непростых экономических условиях, вызванных глубокими трансформациями национальных экономик и дефицитом финансовых ресурсов (или их некачественным использованием).

Говоря о региональной интеграции, важно отметить географию региона, которая определяет безальтернативность торгово-экономических отношений с Россией и ЕС (в совокупности) и своего рода «инфраструктурную замкнутость» постсоветских стран в Восточной Европе. Во-первых, речь идет о том, что Армения, Белоруссия и Молдова не имеют выхода к морю, а в случае Украины и Грузии морские маршруты в другие регионы предполагают существенные транспортные издержки, делая такую торговлю менее выгодной. Во-вторых, география транспортной инфраструктуры, прежде всего – в энергетической сфере, затрудняет или существенно удорожает импорт некоторых товаров (в частности, нефти и природного газа) из других регионов. К слову, для Азербайджана как экспортера углеводородов это не является существенной проблемой.

Важно, что с точки зрения структуры экспорта и импорта отношения с Россией и Европейским Союзом трудно назвать взаимозаменяемыми. С одной стороны, интеграция с Россией открывает всем пяти странам доступ к относительно дешевому сырью (включая энергетическое), что повышает конкурентоспособность товаров при последующей продаже на все том же российском рынке. С другой стороны, постсоветские страны (в особенности Украина) остаются также производителями сырья и продуктов сельского хозяйства, которые логичнее продавать в страны ЕС. Это подтверждает опыт Белоруссии: хотя ее экспорт сельхозпродукции ориентирован на Россию, это становится регулярным предметом споров и

конфликтов между двумя странами, даже несмотря на их участие в ЕАЭС.

Собственные рынки Армении, Белоруссии, Грузии и Молдовы относительно невелики, что делает интеграцию важной для их экономического развития. Хотя внутренний рынок Украины существенно больше, следует также учитывать низкую покупательную способность населения (как украинского, так и других четырех стран). Неслучайно можно проследить устойчивую корреляцию между их экономическим ростом и ростом объемов внешней торговли [Benešová, Smutka 2016].

Стремление к развитию торгово-экономических отношений с Россией и ЕС диктуется выгодой вполне конкретных акторов (к слову, не всегда экономической). К ним относятся не только частные лица и владельцы предприятий, которые лоббируют свои интересы. Поскольку интеграция предполагает упрощение правил торговли и в перспективе ведет к улучшению уровня жизни (о чем говорилось выше), появляется спрос на интеграционную повестку со стороны населения, который пытаются удовлетворить соответствующие политические силы. В некоторых случаях экономические выгоды могут быть достаточно быстрыми (например, от снижения торговых барьеров). Неудивительно, что обещание перспектив успешной интеграции в том или ином направлении уже стало неотъемлемой частью электоральных кампаний во всех пяти странах.

ИНТЕГРАЦИЯ КАК ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ

Сразу после распада СССР страны оказались перед необходимостью самостоятельного формирования не только экономической, но и общественно-политической системы. И если в России этот вопрос решался (среди прочего) на основании правопреемственности,

т.е. продолжения собственной государственности, хотя и на новых принципах, то почти у всех постсоветских стран наблюдался отчетливый недостаток национально-государственного опыта. В его отсутствии национальные элиты затруднялись ответить на вопрос «Кто мы?» (что, к слову, стало залогом переориентации ряда элит на вопрос «Кем мы не являемся?»). В особенности это было характерно для Белоруссии и Украины, которые на протяжении долгого времени воспринимались (в том числе в самих этих странах) как части триединого русского народа, а также в Молдове, чья идентичность выглядела несколько производной от соседней Румынии.

В этой ситуации вопрос интеграции на уровне обсуждения и восприятия не мог оставаться исключительно экономическим. Население в широком смысле, политические партии и представители элиты рассматривали Россию и ЕС как перспективных интеграционных партнеров через призму более комплексной цивилизационной принадлежности к ним. Последнее относилось и к этнически более гомогенным Армении и Грузии, которые и во времена СССР, и после обретения независимости сохраняли высокий уровень собственной самобытности, однако имели запрос на вектор политического развития [Летняков 2016].

Пока России не удастся предложить собственный проект политического развития, как это было когда-то во времена СССР и как сейчас позиционирует себя Европейский Союз. С этой точки зрения ЕАЭС является исключительно экономическим форматом. Однако при этом на руку России играет ее международный авторитет, а также невмешательство во внутривнутриполитические процессы постсоветских стран и отсутствие требований к ним по вопросам демократизации. Все это кажется привлекательным некоторым консерва-

тивным политическим силам, которые вполне удовлетворены исключительно экономическим характером интеграции с Россией. К сильным сторонам последней можно отнести и позиционирование себя как охранителя традиционных ценностей, что также находит отклик у части населения постсоветских стран.

Европейский Союз для этих стран и их жителей выглядел не менее интересным. Он мог предложить сообщество народов с «европейскими ценностями», которые на постсоветском пространстве понимались достаточно поверхностно, но устойчиво ассоциировались с высоким уровнем жизни. При этом ЕС имел большую историю и отличался гораздо меньшим дисбалансом с точки зрения экономического и политического веса участников (в связи с их большим количеством). Это было важно для некоторых элит и политических сил постсоветских стран, которые боялись попасть под внешнее влияние и потерять свой статус суверенных, т.е. равных другим по статусу, государств.

У населения, и прежде всего у молодежи, в постсоветских странах ЕС устойчиво ассоциируется с позитивными реформами. При этом, как и в случае с европейскими ценностями, оценивается именно конечный результат реформ, а не процесс. Результаты опросов показывают, что по мере роста недовольственности собственной властью растут запросы на интеграцию с ЕС, которая рассматривается как передача позитивного европейского опыта и применение лучших управленческих практик (включая борьбу с коррупцией и высокое качество бюрократии).

ИНТЕГРАЦИЯ И ПОЛИТИКА

Политические причины стремиться к интеграции с другими государствами не такие явные. По-видимому, наиболее ярко они проявляются в пе-

риод конфликтов, когда союзничество и альянсы становятся необходимыми условиями выживания страны. Следуя этой логике, в мирное время, напротив, интеграция скорее рассматривается как ограничение государственного суверенитета, что едва ли может быть привлекательным для политиков и национальных элит. Тем не менее определенные политические выгоды (помимо тех производных от экономических выгод и электоральных симпатий к интеграции) все же присутствуют.

Во-первых, интеграционный (по сути – многосторонний) формат позволяет в большей степени учесть интересы государства, особенно если оно стало участником этого формата в самый начальный период разработки наднационального регулирования, а также если речь идет об асимметричных государствах. В последнем случае двусторонний формат более рискован с точки зрения давления и принуждения, чем многостороннее обсуждение.

Во-вторых, есть мнение, что интеграция не вредит суверенитету государства, особенно если посмотреть на участие в ней с точки зрения альтернативы. Так, Т. Бордачев и Т. Романова приводят пример Швейцарии и Норвегии, которые не являются членами ЕС, однако в торгово-экономических отношениях вынуждены приводить свои товары в соответствие с европейскими нормами, в разработке которых не принимали участия [Бордачев, Романова 2003]. С этой точки зрения странам, которые географически крепко связаны со своим регионом, выгоднее находиться «внутри интеграции».

В-третьих, как уже говорилось, успешная интеграция является привлекательной для широкого электората и может стать инструментом легитимации [Либман 2012], а потому партиям и правящим элитам выгодно делать ее частью своей политической программы.

В этом случае успех можно использовать для поддержания популярности и удержания власти, как это уже долгое время удается белорусскому президенту А. Лукашенко. Другой пример – обещание интеграции и его роль в мобилизации поддержки электората для захвата власти, как это произошло в Грузии, Молдове и Украине (дважды) в результате «цветных революций».

Как видно, в случае постсоветских стран интеграционный вопрос занимает важное место во внутренней политике, как напрямую, так и косвенно – через возможности удовлетворить запросы электората по уровню жизни, условиям бизнеса, поиску идентичности / принадлежности к большей общности государств и т.д. Отсюда логично предположить, что рассмотренные ранее геополитические противоречия между Россией и ЕС, которые существенно повлияли на условия интеграции и ограничили возможности, не могли не сказаться на поведении всех пяти стран и тех решениях, которые принимают их руководства.

Влияние геополитики на интеграционное поведение

По нашему мнению, главными производными региональной геополитики стали: а) неспособность поддерживать темпы экономического сближения (вне зависимости от выбранного направления) и в конечном счете торможение, или вовсе «застой», интеграции как процесса и б) использование «дилеммы интеграций» для получения быстрых дивидендов от спекуляции на собственной геополитической значимости для России и ЕС (что ставит под вопрос само существование «сделанного» интеграционного «выбора»). Этому также способствовала поляризация общественно-политической среды (деле-

ние населения и политиков на сторонников интеграционного выбора и на противников или скептиков), которая с разной степенью глубины и публичности присутствовала во всех пяти постсоветских странах.

«ЗАСТОЙ» ИНТЕГРАЦИИ

Факт поляризации общественно-политической среды постсоветских стран в условиях «дилеммы интеграций» имеет важные последствия. Он означает, что даже в случае успеха (т.е. интеграции, приносящей очевидные выгоды) остается часть групп интересов и их политических представителей, которые не удовлетворены ни самим интеграционным выбором, ни, соответственно, его итогами. При этом важное значение имеет и скорость получения таких выгод, что в случае интеграции вполне может оказаться небыстрым процессом.

Соглашения об ассоциации с ЕС, которые подписали Молдова, Украина и Грузия, вступили в силу в 2016 г. Уже после этого в Молдове и Грузии на президентских выборах политические силы, выступавшие за ассоциацию и ЗСТ с ЕС, потерпели поражение (причем в Молдове был избран сторонник возобновления стратегического партнерства с Россией). В Украине в преддверии президентских и парламентских выборов 2019 г. те партии и политики, которые возглавили создание Ассоциации с ЕС, лишились большей части поддержки и по состоянию на начало 2019 г. теряли свои лидирующие позиции в законодательной и исполнительной власти.

У тех стран, которые предпочли членство в ЕАЭС, ситуация складывалась похожим образом. Так, в Армении в середине 2018 г. в результате массовых протестов к власти пришла оппозиционная партия, которая констатировала вынужденный (а не добровольный) характер армянского выбо-

ра в пользу ЕАЭС⁵. Эта же политическая сила одержала победу на досрочных парламентских выборах в декабре 2018 г. Хотя в Белоруссии ситуация развивалась по иному сценарию (в силу особенности политического режима), здесь критика выбора и его последствий также имела место, с тем лишь отличием, что ее выразителем являлся сам белорусский президент⁶. Примечательно, что если в случае Армении речь идет скорее об идентичности и ценностной переориентации на ЕС, то белорусский пример имел исключительно экономическую подоплеку.

Следует отметить, что во всех этих случаях политические проблемы и кризисы были обусловлены многими факторами, а потому влияние геополитики в отношениях России и ЕС не следует переоценивать. К таким факторам можно отнести и качество бюрократии, и протестный потенциал населения в условиях относительно невысокого уровня жизни, и взгляды молодых элит новых независимых государств на пространстве бывшего СССР. Таким образом, в данном исследовании речь идет не о степени, а о характере влияния на внутреннюю и внешнюю политику пяти постсоветских стран той «дилеммы интеграций», которая сформировалась в рассматриваемом регионе.

Геополитические противоречия России и ЕС делают «одностороннюю» интеграцию промежуточным и относительно политическим успехом еще по ряду причин. Во-первых, это сокращение или отказ от экономической помощи из альтернативного выбранному центру интеграции. Хороший пример – повышение цены на газ для Украины и Молдовы, которые часто видятся

как попытка экономического давления, а по сути являются не более чем отказом от выданных авансом преференций. Во-вторых, геополитика не предполагает поддержку в период политического кризиса не-союзника. Так, ЕС в начале 2014 г. не стал поддерживать легитимного президента Украины В. Януковича, который накануне на саммите «Восточного партнерства» решил развивать отношения с Россией (тогда еще на площадке ТС и ЕЭП) и временно отложил подписание Соглашения об ассоциации с ЕС. В-третьих, последствием геополитической борьбы России и ЕС стали взаимные санкции, которые затронули экономики обеих сторон. Это объективно снизило их ресурсы помощи соседним странам, даже несмотря на заинтересованность в вовлечении этих стран в свои интеграционные группировки.

Как видно, во всех этих случаях геополитические противоречия России и ЕС, породившие «дилемму интеграций», сократили интеграционные дивиденды у постсоветских стран. В предыдущем разделе мы выяснили, что все пять государств имеют интерес к развитию торгово-экономических связей и с Россией, и с Европейским Союзом. Необходимость выбора одного из этих двух направлений означает недополучение выгод. Для политика это означает рост протестного электората: давление на него со стороны тех групп интересов, которые были заинтересованы в развитии экономических контактов с другим партнером; недовольство со стороны населения, отказывающегося идентифицировать себя с интеграционным центром по ценностным причинам.

5 Армению вынудили вступить в ЕАЭС – Никол Пашинян (2017) // Lragir.am. 9 октября 2017 // <https://www.lragir.am/ru/2017/10/09/58607/>, дата обращения 31.03.2019.

6 Ходасевич А. (2018) Лукашенко шантажирует союзника // Независимая газета. 9 декабря 2018 // http://www.ng.ru/cis/2018-12-09/1_7458_Lukashenko.html, дата обращения 31.03.2019.

Такое протестное давление привело к тому, что принимаемые политические решения стали менее определенными и все более размытыми. Принимая во внимание, что интеграция является не столько результатом, сколько постоянным процессом по ликвидации барьеров между участниками группировки, можно констатировать (и это подтверждается практикой), что каждый следующий интеграционный шаг дается постсоветским странам все тяжелее. Ведь каждое очередное решение еще больше отдаляет страну от идеала выгодных отношений одновременно и с Россией, и с ЕС.

В теории эта проблема может решаться за счет компенсаций, которые Россия или ЕС могли бы предоставить своим партнерам. Например, Белоруссия и Армения получали экономическую помощь в виде льготных кредитов и низких цен на энергоносители, а ЕС неоднократно предоставлял финансовую помощь Украине и Молдове. Тем не менее, во-первых, такая поддержка является частичной и не покрывает весь спектр интеграционных запросов и ожиданий (не ограничивающихся экономическими), а во-вторых, возможности даже чисто экономической помощи в последние годы постепенно снижались на фоне обострения геополитических противоречий между Россией и ЕС. В связи с этим руководства постсоветских стран были вынуждены искать другие ресурсы удержания власти.

СПЕКУЛЯЦИИ ПО ВОПРОСУ ИНТЕГРАЦИОННОГО ВЫБОРА

Как уже отмечалось, постсоветские страны в Восточной Европе, в отличие от России и ЕС, не являются субъектами геополитики и не имеют глобального внешнеполитического планирования. Как верно отметил И. Фергюсон, эти страны помещены в геополитический контекст, однако не создают его,

а находятся под его влиянием [Ferguson 2018]. Тем не менее конкуренция Москвы и Брюсселя (включая отдельные европейские страны) за пространство общего соседства настолько отчетлива, что все без исключения пять государств бывшего СССР прекрасно осознают собственную значимость. Отсюда возникает соблазн конвертировать эту значимость в более краткосрочную, но и более важную с точки зрения электоральных циклов выгоду, которая могла бы заменить недополученные интеграционные дивиденды.

По мере своего участия в интеграции постсоветские страны стали отличаться регулярной негативной риторикой и в адрес самих инициаторов интеграции (России и ЕС), и по вопросу своего участия в этом процессе. Наиболее парадоксальный пример этого – Белоруссия, которая, с одной стороны, прошла дальше других по дороге экономической интеграции с Россией (ЕАЭС и Союзное государство), что, с другой стороны, не мешает белорусскому президенту А. Лукашенко регулярно спекулировать на интеграционной теме и угрожать отказаться от интеграции с Россией и выйти из ЕАЭС. Как правило, такие заявления все же завершаются успешными переговорами, в результате которых Белоруссия получает очередную порцию российской экономической помощи.

Этот пример показателен тем, что Минск, даже имея крайне ограниченные отношения с ЕС, но ясно осознавая собственную геостратегическую важность для России (и с точки зрения экономики, и в вопросах безопасности), активно использует конфликтную повестку между Россией и ЕС для усиления собственной важности и получения дополнительных дивидендов. Именно это является ключевым следствием геополитической напряженности в регионе: активное участие пост-

советских стран (в данном случае под страной мы подразумеваем ее руководство или оппозиционные политические силы) в воспроизводстве российско-европейских противоречий с целью получения более быстрой и регулярной выгоды за свой интеграционный выбор.

Важным дополнением является то, что ни вектор интеграции, ни якобы сделанный интеграционный выбор, ни объект негативной риторики не имеют особого значения. В то время как белорусский президент критикует ЕАЭС и выражает недовольство российской политикой, украинские власти также готовы провоцировать конфликтность в отношениях с Москвой ради создания образа находящейся в трудном положении страны, требующей финансовой помощи без предварительных условий. В случае Молдовы, Грузии и Армении такое поведение распространено в меньшей степени, однако и здесь политики готовы использовать угрозу ухода в ЕАЭС или переориентации на ассоциацию с ЕС ради усиления переговорных позиций.

Итак, можно констатировать, что в условиях дефицита интеграционных выгод постсоветские страны переориентировались на извлечение выгоды из региональной геополитической ситуации. Это имеет сразу три негативных последствия для интеграции как таковой и еще раз подтверждает тезис, что международные отношения отнюдь не всегда развиваются в интеграционной логике.

Во-первых, как уже было сказано, конфликтность между Россией и ЕС постоянно поддерживается и воспроизводится, превращая постсоветские страны в активных бенефициаров этой конфликтности, а самих Россию и ЕС – в заложников ситуации. Отсюда следует, что работающей модели «интеграции интеграций» (взаимодействия ЕС и ЕАЭС), о которой немало говорилось

в начале 2010-х [Кондратьева 2015], в обозримом будущем не предвидится из-за доминирования в регионе геополитики.

Во-вторых, превращение геополитической напряженности в ресурс и источник выгоды ставит под вопрос эффективность и долгосрочность уже существующей интеграции, т.е. по сути сам факт выбора между двумя экономическими группировками. Что, в свою очередь, негативно влияет на развитие всего интеграционного проекта. Это в меньшей степени касается Европейского Союза, где формат ассоциации выведен за рамки основных процессов в ЕС, и в полной мере относится к более молодой евразийской интеграции.

В-третьих, тот факт, что региональная конфликтность и геополитическая напряженность становится источником получения выгод (а в условиях замедления интеграции иногда даже больших, чем дает сама интеграция), существенно влияет на внутривнутриполитический ландшафт постсоветских стран. В и без того поляризованной социально-политической среде усиливается радикализация дискурса, а критика интеграции (по крайней мере в одном из двух направлений) становится механизмом привлечения на свою сторону электората и одним из инструментов удержания власти, от которого ни действующее руководство этих стран, ни оппозиция пока отказываться не собираются.

Заключение

Выводы о влиянии геополитических противоречий России и ЕС на внешнюю и интеграционную политику постсоветских стран представляются крайне важными с точки зрения развития конфликтности между са-

мими региональными центрами силы, а также при оценке перспектив интеграционных блоков и «выбора» вектора интеграции самими постсоветскими странами. Нестабильность их поведения является прямым следствием возникшей «дилеммы интеграций». Хотя при этом не следует забывать, что сама «дилемма интеграций» имеет для каждой страны свою специфику и не может считаться единственной причиной такого поведения.

В таких условиях политика постсоветских стран будет тяготеть к нестабильности и изменчивости. Все эти страны были и остаются заинтересованными в развитии торгово-экономических отношений одновременно и с Россией, и с ЕС, а также в получении помощи и привлечении инвестиций из обоих направлений. «Односторонняя» интеграция, очевидно, оказалась не в состоянии предоставить правящим политическим силам быстрые выгоды, а потому альтернатива в виде спекуляций на интеграционной тематике ради получения более быстрых экономических или политических (в формате экономических обещаний) дивидендов стала рассматриваться и регулярно использоваться.

В отечественной науке такое изменчивое поведение малых и средних стран, находящихся между двумя цивилизационными (в нашем случае – интеграционными) центрами, называется лимитрофным [Цымбурский 1997], или политикой балансирования [Скриба 2014]. Его суть заключается в неспособности определиться относительно своей принадлежности к тому или иному центру силы или сообществу государств. В результате внешняя политика такой страны, которая в данном случае рассматривается через призму культурного или военно-политического сотрудничества, становится изменчивой, а иногда и спеку-

лятивной [Кавешников 2008]. В зарубежной литературе следует отметить работу Р. Швеллера, который указал на склонность малых и средних стран к «примыканию» (англ. – bandwagoning) к более сильным странам ради получения экономических преимуществ [Schweller 1994]. Такие примеры можно найти среди всех пяти постсоветских стран, которые как раз заинтересованы в получении выгод от интеграции с Россией и ЕС. Именно на примере постсоветского пространства данная статья расширяет понимание поведения таких стран, находящихся в условиях «дилеммы интеграций».

Пределы использования полученных в исследовании результатов заключаются в глубине конфликтности отношений между Россией и ЕС. В том случае, если речь будет идти о военном противостоянии, логичнее будет использовать теоретические наработки времен холодной войны таких авторов, как С. Уолт и С. Дэвид. Однако в целом можно предположить, что в современных международных отношениях конфликтность все чаще развивается без применения военной силы. В таком случае ожидания от поведения постсоветских стран, а также планирование интеграционных стратегий все же должны учитывать полученные выводы.

Список литературы

Бордачев Т.В., Романова Т.А. (2003) Модель на вырост // Россия в глобальной политике. № 2 // https://globalaffairs.ru/number/n_868, дата обращения 31.03.2019.

Буторина О.В. (ред.) (2011) Региональная интеграция: основные понятия. М.: Деловая литература.

Иванов И.Д. (1998) Расширение Евросоюза: Сценарии, проблемы, послед-

ствия // *Мировая экономика и международные отношения*. № 9. С. 22–23.

Кавешников Н.Ю. (2008) Малые и вредные? // *Международные процессы*. № 3. С. 84–92 // <http://intertrends.ru/old/eighteenth/011.htm>, дата обращения 31.03.2019.

Караганов С.А. (2010) Союз Европы: последний шанс? // *Российская газета*. 9 июля 2010 // <https://rg.ru/2010/07/09/karaganov.html>, дата обращения 31.03.2019.

Кондратьева Н.Б. (2015) ЕАЭС – ЕС: интеграция интеграций на горизонте // *Современная Европа*. № 4(64). С. 147–149 // https://elibrary.ru/download/elibrary_25023687_73790414.pdf, дата обращения 31.03.2019.

Корэйба Я. (2012) Международные организации как катализатор интеграционного выбора государств постсоветского пространства в Европе // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. № 2. С. 118–132 // <https://iorj.hse.ru/data/2012/06/08/1252691721/8.pdf>, дата обращения 31.03.2019.

Летняков Д.Э. (2016) Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах. // *Мир России*. Т. 25. № 2. С. 144–167 // <https://mirros.hse.ru/article/view/4906/5271>, дата обращения 31.03.2019.

Либман А.М. (2012) Постсоветская интеграция и политические системы постсоветских государств // *Россия и новые государства Евразии*. № 4(17). С. 5–22 // https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2012_04/ALIB_postsoviet.pdf, дата обращения 31.03.2019.

Скриба А.С. (2014) Балансирование малых и средних государств // *Международные процессы*. № 4(39). С. 88–100 // <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/185/Skriba-39.pdf>, дата обращения 31.03.2019.

Тиммерманн Х. (2002) Россия и Европейский Союз: современные тенденции

во внешней политике, политике безопасности и экономике. Взгляд из Германии // *Актуальные проблемы Европы*. № 1. С. 69–89 // <https://cyberleninka.ru/article/v/rossiya-i-evropeyskiy-soyuz-sovremennyye-tendentsii-vo-vneshney-politike-politike-bezopasnosti-i-ekonomike-vzglyad-iz-germanii>, дата обращения 31.03.2019.

Цымбурский В.Л. (1997) Народы между цивилизациями // *Pro et Contra*. № 3. С. 154–184.

Balassa B. (1962) *The Theory of Economic Integration*, London: Allen Unwin.

Balmaceda M.M. (2014) Will Cheap Russian Gas Save Ukraine? // *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no 2, pp. 61–67. DOI: 10.2753/PPC1075-8216610205

Benešová I., Smutka L. (2016) The Post-Soviet Countries – Development and Structure of Economy: Is There Any Potential for Future Regional Integration? // 19th International Conference Enterprise and Competitive Environment, March 2016, pp. 30–31 // https://ac.els-cdn.com/S1877042816305675/1-s2.0-S1877042816305675-main.pdf?_tid=1a513e9f-2303-4e70-bd2c-9d53f529d8b0&acdnat=1551796182_df8500d9e89d63e00fef3024f6589b05, дата обращения 31.03.2019.

Delcour L. (2015) Between the Eastern Partnership and Eurasian Integration: Explaining Post-Soviet Countries' Engagement in (Competing) Region-Building Projects // *Problems of Post-Communism*, vol. 62, no 6, pp. 316–327. DOI: 10.1080/10758216.2015.1057075

Deutsch K.W. (1969) *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*, New York.

DiCaprio A., Santos-Paulino A., Sokolova M. (2017) Regional Trade Agreements, Integration, and Development // UNCTAD Research Paper. No. 1 // https://unctad.org/en/publicationslibrary/ser_rp2017d1_en.pdf, дата обращения 31.03.2019.

Ferguson I. (2018) Between New Spheres of Influence: Ukraine's Geopolitical Misfortune // *Geopolitics*, vol. 23, no 2, pp. 285–306. DOI: 10.1080/14650045.2017.1402299

Götz E. (2015) It's Geopolitics, Stupid: Explaining Russia's Ukraine Policy // *Global Affairs*, vol. 1, no 1, pp. 3–10. DOI: 10.1080/23340460.2015.960184

Lukin A. (2014) Eurasian Integration and the Clash of Values // *Survival*, vol. 56, no 3, pp. 43–60. DOI: 10.1080/00396338.2014.920144

Marocchi T. (2017) EU-Russia Relations: Towards an Increasingly Geopolitical Paradigm // *Heinrich Böll Stiftung*, July 3, 2017 // <https://eu.boell.org/en/2017/07/03/eu-russia-relations-towards-increasingly-geopolitical-paradigm>, дата обращения 31.03.2019.

Mattoo A., Mulabdic A., Ruta M. (2017) Trade Creation and Trade Diversion in Deep Agreements // *World Bank*. No. 8206, September 27, 2017 // <http://documents.worldbank.org/curated/en/208101506520778449/Trade-creation-and-trade-diversion-in-deep-agreements>, дата обращения 31.03.2019.

Nitoiu C., Sus M. (2019) The Rise of Geopolitics in the EU's Ap-

proach in Its Eastern Neighbourhood // *Geopolitics*, vol. 24, no 1, pp. 1–19. DOI: 10.1080/14650045.2019.1544396

Schweller R. (1994) Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In // *International Security*, vol. 19, no 1, pp. 72–107 // <http://home.sogang.ac.kr/sites/jaechun/courses/Lists/b7/Attachments/17/Bandwagoning%20for%20Profits.pdf>, дата обращения 31.03.2019.

Statement on the Pressure Exercised by Russia on Countries of the Eastern Partnership (2013) // *European Commission, European Parliament Plenary*, September 11, 2013 // http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-687_en.htm, дата обращения 31.03.2019.

Velde D.W. (2011) Regional Integration, Growth and Convergence // *Journal of Economic Integration*, vol. 26, no 1, pp. 1–28 // <https://www.e-jei.org/upload/06406631627345U6.pdf>, дата обращения 31.03.2019.

Vamvakidis (1999) Regional Trade Agreements or Broad Liberalization: Which Path Leads to Faster Growth? // *IMF Staff Papers*, vol. 46, no 1, pp. 42–68 // <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.195.7456&rep=rep1&type=pdf>, дата обращения 31.03.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-51-70

The EU-Russia Geopolitical Contradictions and Participation of the Post-Soviet States in Regional Economic Integration

Andrei S. SKRIBA

PhD in Politics, Lecturer, Department of International Relations; Research Fellow,
Center for Comprehensive European and International Studies
National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka
St., 17, Moscow, Russian Federation
E-mail: askriba@hse.ru
ORCID: 0000-0003-1795-0750

Artem O. ALTUKHOV

Associate Fellow, International Laboratory for World Order Studies and the New
Regionalism
National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka
St., 17, Moscow, Russian Federation
E-mail: altukhov@live.com
ORCID: 0000-0003-4353-8911

CITATION: Skriba A.S., Altukhov A.O. (2019) The EU-Russia Geopolitical Contradictions and Participation of the Post-Soviet States in Regional Economic Integration. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 2, pp. 51–70 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-51-70

Received: 15.12.2018.

ABSTRACT. *Starting from the late 2000s, the Post-Soviet states have faced the so-called integration dilemma. Seeking to deepen their trade relations and economic links with the regional centers of force – the European Union and Russia – they found themselves increasingly compelled to choose between two integration projects: either joining the EU Association Agreement and Deep and Comprehensive Free Trade Area or developing relations with Russia and several other interested members of the CIS under the auspices of the Customs Union and Single Economic Space (Eurasian Economic Union since 2015). This paper purports to demonstrate that, although both tracks were declared to be*

economic by nature and were not publicly opposing each other, it was geopolitical reasoning that has dominated the deliberations of the five Eastern European members of the CIS in assessing and choosing between the two. The paper contrasts these countries' political strategies and approaches to the integration dilemma and examines the internal and external factors behind these approaches. We explain why, despite the apparent similarity of the economies and interests of some of the states in question, their political strategies have diverged considerably under changing geopolitical circumstances. Finally, the paper evaluates the prospects of further engage-

ment of Eastern European CIS countries in the integration projects.

KEY WORDS: EEU, EU, EU-Russia relations, integration, CIS, foreign policy, diplomacy

References

- Balassa B. (1962) *The Theory of Economic Integration*, London: Allen Unwin.
- Balmaceda M.M. (2014) Will Cheap Russian Gas Save Ukraine? *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no 2, pp. 61–67. DOI: 10.2753/PPC1075-8216610205
- Benešová I., Smutka L. (2016) The Post-Soviet Countries – Development and Structure of Economy: Is There Any Potential for Future Regional Integration? *19th International Conference Enterprise and Competitive Environment*, March 2016, pp. 30–31. Available at: https://ac.els-cdn.com/S18770428-16305675/1-s2.0-S1877042816305675-main.pdf?_tid=1a513e9f-2303-4e70-bd2c-9d53f529d8b0&acdnat=1551796182_df8500d9e89d63e00fef3024f6589b05, accessed 31.03.2019.
- Bordachev T.V., Romanova T.A. (2003) Model for Growth. Russia in Global Affairs, no 2. Available at: https://globalaffairs.ru/number/n_868, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Butorina O.V. (ed.) (2011) *Regional Integration: Basic Concepts*, Moscow: Business Literature (in Russian).
- Delcour L. (2015) Between the Eastern Partnership and Eurasian Integration: Explaining Post-Soviet Countries' Engagement in (Competing) Region-Building Projects. *Problems of Post-Communism*, vol. 62, no 6, pp. 316–327. DOI: 10.1080/10758216.2015.1057075
- Deutsch K.W. (1969) *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*, New York.
- DiCaprio A., Santos-Paulino A., Sokolova M. (2017) Regional Trade Agreements, Integration, and Development. *UNCTAD Research Paper*. No. 1. Available at: https://unctad.org/en/publication-library/ser_rp2017d1_en.pdf, accessed 31.03.2019.
- Ferguson I. (2018) Between New Spheres of Influence: Ukraine's Geopolitical Misfortune. *Geopolitics*, vol. 23, no 2, pp. 285–306. DOI: 10.1080/14650045.2017.1402299
- Götz E. (2015) It's Geopolitics, Stupid: Explaining Russia's Ukraine Policy. *Global Affairs*, vol. 1, no 1, pp. 3–10. DOI: 10.1080/23340460.2015.960184
- Ivanov I.D. (1998) The Expansion of the European Union: Scenario, Problems, Consequences. *World Economy and International Relations*, no 9, pp. 22–23 (in Russian).
- Karaganov S.A. (2010) European Union: Last Chance? *Rossiyskaya gazeta*, June 9, 2010. Available at: <https://rg.ru/2010/07/09/karaganov.html>, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Kaveshnikov N.Yu. (2008) Small and Harmful? *International Trends*, no 3, pp. 84–92. Available at: <http://intertrends.ru/old/eighteenth/011.htm>, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Kondrat'eva N.B. (2015) EAEU – EU: Integration of Integrations on the Horizon. *Contemporary Europe*, no 4(64), pp. 147–149. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_25023687_73790414.pdf, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Korejba Y. (2012) International Organisations as a Catalyst for Integration Choice of Post-Soviet Space Countries in Europe. *International Organizations Research Journal*, no 2, pp. 118–132. Available at: <https://iorj.hse.ru/data/2012/06/08/1252691721/8.pdf>, accessed 31.03.2019 (in Russian).
- Letnyakov D. (2016) Nation-Building: Identity Policies in Post-Soviet States. *Mir Rossii*, vol. 25, no 2, pp. 144–167. Available at: <https://mirros.hse.ru/arti>

cle/view/4906/5271, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Libman A.M. (2012) Post-Soviet Integration and Political Systems of Post-Soviet States. *Russia and New States of Eurasia*, no 4(17), pp. 5–22. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2012_04/ALIB_postsoviet.pdf, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Lukin A. (2014) Eurasian Integration and the Clash of Values. *Survival*, vol. 56, no 3, pp. 43–60. DOI: 10.1080/00396338.2014.920144

Marocchi T. (2017) EU-Russia Relations: Towards an Increasingly Geopolitical Paradigm. *Heinrich Böll Stiftung*, July 3, 2017. Available at: <https://eu.boell.org/en/2017/07/03/eu-russia-relations-towards-increasingly-geopolitical-paradigm>, accessed 31.03.2019.

Mattoo A., Mulabdic A., Ruta M. (2017) Trade Creation and Trade Diversion in Deep Agreements. *World Bank*. No. 8206, September 27, 2017. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/208101506520778449/Trade-creation-and-trade-diversion-in-deep-agreements>, accessed 31.03.2019.

Nitoiu C., Sus M. (2019) The Rise of Geopolitics in the EU's Approach in Its Eastern Neighbourhood. *Geopolitics*, vol. 24, no 1, pp. 1–19. DOI: 10.1080/14650045.2019.1544396

Schweller R. (1994) Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In. *International Security*, vol. 19, no 1, pp. 72–107. Available at: <http://home.sogang.ac.kr/sites/jaechun/courses/Lists/b7/Attachments/17/Bandwagoning%20for%20Profits.pdf>, accessed 31.03.2019.

Skriba A.S. (2014) Balancing of Small and Medium-Sized Nations. *International Trends*, no 4(39), pp. 88–100. Available at: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/185/Skriba-39.pdf>, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Statement on the Pressure Exercised by Russia on Countries of the Eastern Partnership (2013). *European Commission*, European Parliament Plenary, September 11, 2013. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-687_en.htm, accessed 31.03.2019.

te Velde D.W. (2011) Regional Integration, Growth and Convergence. *Journal of Economic Integration*, vol. 26, no 1, pp. 1–28. Available at: <https://www.e-jei.org/upload/06406631627345U6.pdf>, accessed 31.03.2019.

Timmermann H. (2002) Russia and the European Union: Current Trends in Foreign Policy, Security Policy and Economy. View from Germany. *Urgent Problems of Europe*, no 1, pp. 69–89. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/rossiya-i-evropeyskiy-soyuz-sovremennye-tendentsii-vo-vneshney-politike-politike-bezopasnosti-i-ekonomike-vzglyad-iz-germanii>, accessed 31.03.2019 (in Russian).

Tsyburskij V.L. (1997) Peoples among Civilizations. *Pro et Contra*, no 3, pp. 154–184 (in Russian).

Vamvakidis (1999) Regional Trade Agreements or Broad Liberalization: Which Path Leads to Faster Growth? *IMF Staff Papers*, vol. 46, no 1, pp. 42–68. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.195.7456&rep=rep1&type=pdf>, accessed 31.03.2019.